

Марченко Татьяна Владимировна

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА

В статье рассматривается проблема интертекстуальности в аспекте речевого воздействия. Дается обоснование манипулятивного потенциала интертекстуальных включений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-68. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Лексико-семантический вариант	ННЗ = интегральный признак	Интерпретация
1) Is there a God?	to be present at a(n) (un)specified position	Is a God present at an unspecified position + there (in reality)?

В данном примере речь идёт о существовании / наличии бога в объективном мире. Интерпретация показывает, что вводный элемент «there», который считается лишённым значения, также несёт определённую смысловую нагрузку (in reality or situation). Далее представлены остальные ЛСВ глагола be (в скобках указан дифференциальный признак, выраженный контекстом):

2) Three and three is six.	to be present at a(n) (un)specified position	Three and three are present at a specified position + six (equal meaning).
3) The fish is a trout.	to be present at a(n) (un)specified position	The fish is present at an unspecified position + a trout (the class of).
4) The concert was last night.	to be present at a(n) (un)specified position	The concert was present at a specified position + last night (a specified time).
5) The leaves are green.	to be present at a(n) (un)specified position	The leaves are present at a specified position + green (a specified characterization).
6) It's to cut with.	to be present at a(n) (un)specified position	It's present at a specified position + to cut with (a specified function).
7) be against terrorism	to be present at a(n) (un)specified position	be present at a specified position + against terrorism (standpoint).

Итак, интерпретация зафиксированных ЛСВ глагола be на основе ННЗ происходит по следующей системной схеме: интегральный признак + значения последующих слов. Это значит, что в контекстах приходится интерпретировать дифференциальные признаки словарных дефиниций как смыслы, суммирующиеся с единственным значением глагола. Таким образом, эти смыслы не являются дифференциальными семами (в отличие от значений многозначных слов) и их нельзя использовать для определения содержательного ядра широкозначного слова. Следовательно, единственное значение глагола - это его интегральный признак, суммирующийся со смыслом остальных слов, с которыми сочетается глагол be, формируя смысл всего высказывания. Кроме того, в отличие от многозначных слов, у слова широкой семантики невозможно определить, какие значения являются производными, поэтому нельзя говорить о наличии у глагола be номинативно-непроизводного значения.

Можно сделать вывод, что на системном уровне глагол be действительно имеет одно широкое значение «to be present at a(n) (un)specified position». Все частные словарные значения можно вывести исходя из сформулированного системного значения, в зависимости от условий речевого контекста (т.е. описываемой ситуации), и каждое из них является смыслом высказывания, а не единицей уровня системы языка. Процесс «выведения» значения заключается в суммировании смыслов (глагола и сочетающихся с ним слов), что принципиально отличает явление широкозначности от полисемии.

Список использованной литературы

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. - Л., 1963.
2. Архипов И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // *Studia Linguistica*. - СПб., 1998. - № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. - С. 5-22.
3. Архипов И. К. Концептуальная интеграция и «границы» лексического значения // *Вопросы германской и романской филологии*. - СПб., 2003. - Вып. 2. Учёные записки. - Т. IX. - С. 46-56.
4. Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставления // *Семантическая структура слова*. - М., 1971. - С. 78-93.
5. Загородняя В. А. Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский. - М., 2005.
6. Мамардашвили М. К. О призвании и точке присутствия // *Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили*. - М., 1999. - С. 100-138.
7. *Webster's Universal Encyclopedic Dictionary*. - New York, 2002.

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА

Марченко Т. В.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Хуршудянц А. С. и к.ф.н. Аликовой С. В.

В статье рассматривается проблема интертекстуальности в аспекте речевого воздействия. Дается обоснование манипулятивного потенциала интертекстуальных включений.

Современные исследования проблемы интертекстуальности и интертекстуальных включений достаточно интенсивно маркируют новые ресурсы ее изучения, непосредственным образом связанные с осмыслением коммуникативно ценностных, антропоцентрических составляющих рассматриваемого явления. Концептуальные ориентиры исследования интертекстуальных включений в дискурсе масс-медиа находятся, как можно судить, в границах коммуникативно прагматических аспектов.

Эффективность массовой коммуникации в значительной мере определяется адекватным выбором и использованием лингвистических средств. Особенности речевого употребления в определенных социальных сферах, как правило, рассматриваются в рамках функциональной стилистики. Отбор языковых средств находится в прямой зависимости от типовых способов организации речи, то есть специфики функционального стиля. Рассматривая массовую коммуникацию, необходимо обратиться к категории адресованности. О. П. Воробьева определяет ее как «особую текстовую категорию, которая опредмечивает знание о предполагаемом читателе и прогнозирует характер его интерпретативной деятельности» [Воробьева 1993: 2]. Адресованность неотъемлемо присуща публицистике, которая максимально учитывает интересы и удобства аудитории. На необходимость принимать во внимание то, как текст будет воспринят адресатом, указывает М. М. Бахтин. Значительную роль в интерпретации текста играют взгляды, убеждения и предубеждения потенциальных читателей, которые определяют активность ответного понимания чужого высказывания. Фактор адресата при порождении текста в большей или меньшей степени влияет на отбор языковых средств, кроме того, немалую роль играет предвосхищение автором возможного ответа. Для адекватного понимания текста требуется осведомленность адресата о ситуации, наличие у него специальных знаний в области, к которой относится сообщение [Бахтин 1986: 467-471].

В ракурсе нашей проблематики данный подход представляет интерес с двух позиций. Ориентация на Рецептора неизменно связана с учетом наличия / отсутствия у него определенных фоновых знаний, то есть определенной совокупности сведений культурно- и материально-исторического, а также прагматического характера. Следовательно, автор апеллирует к определенным прецедентным феноменам, получающим материальную (текстовую) реализацию в форме различных типов интертекстуальных включений. С другой стороны, масс-медиа способны формировать условный круг прецедентных феноменов, значимых в социально-культурном отношении на определенный период времени.

Целый ряд ученых (Земская 1996, Костомаров 2005, Солганик 2005) обращают внимание на активное использование в современных публицистических текстах различных интертекстуальных включений. Таким образом, анализ приемов представления информации и способов воздействия на рецептора при помощи интертекстуальных включений в газетно-публицистических текстах представляется актуальным, научно значимым и перспективным.

Как полагает В. Г. Костомаров, обращение к прецедентным феноменам отвечает двум основным тенденциям газетного языка: стремлению к стандарту и экспрессии. Использование интертекстуальных включений усложняет понимание текста, так как они создают «вертикальный контекст», но от этого материал становится ярче, а воздействие на читателя - эффективнее [Костомаров 1999: 56]. Очевидно, что даже в неизменном виде интертекстуальные ссылки создают второй «смысловой план», ассоциативные связки (подобие, противоречие, смысловая переключка, ироническое переосмысление), что приводит к актуализации читательского внимания.

Речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, базисом которого является «выбор оптимальных языковых ресурсов» [Иссерс 2006: 10]. В таком случае дискурсивное пространство масс-медиа обнаруживает функциональное единство ряда компонентов, один из которых представлен речевыми стратегиями. В качестве отличительной черты подобных речевых действий принято рассматривать их интенциональный характер, то есть целенаправленность и осознанность, базирующиеся на потенциально возможной вариативности вербального оформления интенций. Так, в дискурсе масс-медиа представляется возможным понимать под манипуляцией, вслед за В. Е. Чернявской, «речевое воздействие, нацеленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как сокрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата», а ее главная цель - «склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [Чернявская 2006: 19].

Подчеркнем, что в различных классификациях способов речевого воздействия объект нашего анализа - интертекстуальные включения - не представлен. Как правило, типичными средствами реализации коммуникативных стратегий признаются различные риторические фигуры и средства образности (метафора, метонимия, сравнение, зевгма), побудительные и вопросительные конструкции, аффективный и эмоциональный синтаксис, специфическая номинация и другое. Как мы полагаем, интертекстуальные включения также обладают особым манипулятивным потенциалом ввиду нескольких причин: 1) данные включения способствуют приращению смысла за счет корреляции с фрагментами внеязыковой действительности, обладающими особым аксиологическим потенциалом, культурно и прагматически обусловленными ассоциациями; 2) потенциально возможная частотность их актуализации также способствует закреплению в культурной памяти представителей определенной лингвокультуры конкретных сведений, формирующих общую картину мира и обуславливающих вариативность / детерминированность интерпретации действительности; 3) являясь сред-

ством активации и, следовательно, индикатором культурно значимых сведений, данные элементы обладают мощным персуазивным эффектом.

Отметим, что далеко не все интертекстуальные включения, актуализирующиеся в тексте, задействованы в реализации манипулятивного влияния. Определенное число интертекстуальных элементов выполняет в текстовом пространстве конструктивную, текстопорождающую, эстетическую, номинативную или экспрессивную функции. Очевидно, что разграничение между интертекстуальным включением, реализующим, например, эстетическую или номинативную функцию, и включением, задействованным в манипуляции, весьма условно. Однако, как отмечает О. С. Иссерс, стратегия базируется на интерпретации (воли, эмоций, ценностей партнера) и предполагает мотив (чаще мотивы) [Иссерс 2006: 103]. Таким образом, к манипулятивно заряженным включениям могут быть отнесены те, которые при комплексном анализе широкого / узкого лингвистического и экстралингвистического контекстов, типа речевого жанра и предполагаемого статуса рецептора обнаруживают интенциональную природу использования (необязательно лживую) с целью достижения конкретной коммуникативной цели. Иными словами, манипулятивным можно назвать такое обращение к упомянутым элементам, при котором навязывается определенное представление о действительности, реакция или намерение, не совпадающее с тем, какое слушающий мог бы сформировать самостоятельно.

Манипулятивное обращение к интертекстуальным включениям в рамках масс-медиального пространства, на наш взгляд, может происходить на основе типических коммуникативно-прагматических приоритетов того или иного жанрового пространства, формирующих интенционально обусловленный комплекс лингвистических средств реализации данных целеустановок. Данный факт позволяет установить жанровую зависимость интертекстуальной насыщенности текста и его коммуникативно-прагматического потенциала, что, несомненно, подтверждает системный характер манипулятивно ориентированной актуализации интертекстуальных включений в дискурсе масс-медиа.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - 444 с.
2. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 1993. - 38 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М.: КомКнига, 2006. - 288 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - СПб.: Златоуст, 1999. - 320 с.
5. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 136 с.

К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНЫХ КОМПОНЕНТАХ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

*Морель Морель Д. А.
Белгородский филиал Современной гуманитарной академии*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н. Седых А. П. и к.ф.н., доц. Шашкиным Л. М.

В статье на материале средств лексикализации французского МК "NOURRITURE (пища)" рассматриваются виды отношений между содержательными компонентами в структуре лексического значения, а также репрезентирующие данные отношения служебные компоненты.

Проблемы, связанные с категорией значения, неизменно привлекают внимание представителей как отечественной (Ю. Д. Апресян, О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, М. В. Никитин, А. А. Потенция, А. И. Смирницкий, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, Л. В. Щерба и др.), так и зарубежной (Ш. Балли, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, А. Вежбицкая, А. Ж. Греймас, Л. Ельмслев, Ж. Клебер, Ж.-Ф. Ле Ни, Б. Потье, Ф. де Соссюр, Ч. Филлмор и др.) лингвистики, а также ряда смежных наук: семиотики, логики и математики (Р. Барт, П. Бриджмен, Р. Карнап, Ч. У. Моррис, Ч. С. Пирс, Ю. С. Степанов, Г. Фреге, А. Чёрч и др.), психологии (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, Э. Рош, С. Л. Рубинштейн и др.). Подобный интерес объясняется тем, что освещение вопросов, связанных со значением, позволяет детальнее раскрыть социальную, психологическую и гносеологическую природу языка.

Интерес к категории значения не ослабевает, что обусловлено усилением позиции антропоцентрической парадигмы в гуманитарных знаниях, интеграцией научного знания, возникновением новых, "пограничных" научных направлений, бурным развитием информационных технологий, разработкой теории искусственного интеллекта.

Отдельное внимание уделяется *организации* содержательной стороны языковых единиц. При этом общераспространенным стало понимание лексического значения (далее - ЛЗ) *сложноорганизованной* содержательной категории (см., например: [Крысин 1989: 146; Никитин 1974: 31-35; Селиверстова 1976: 133-134; Стернин 1979: 44; Лукьянова 1986: 76-77; Слесарева 1990: 19; Шаховский 1994; Солодуб 1997; Михайлова 1998]). Давно миновал тот этап, когда ЛЗ воспринималось простым "списком" семантических компонентов (см. в связи с этим: [Апресян 1995: 8]). Убедительно показано, что эти компоненты в пределах ЛЗ как целого